DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-45-66

О.Р. Айрапетов, Л.А. Городилова, А.Ю. Полунов

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И «БУДДИЙСКИЙ ВОПРОС» В ВОЗЗРЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

O.R. Airapetov, L.A. Gorodilova, A.Yu. Polunov

RUSSIAN POLICY IN THE FAR EAST AND THE "BUDDHIST QUESTION" IN THE VIEWS OF RUSSIAN SOCIETY AND THE ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES (SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY)

Аннотация. Взаимоотношения Российской империи с народами, исповедующими буддизм, имеют сложную и длительную историю. До середины XIX в. основные территории распространения буддизма — Восточная Сибирь и Тихоокеанский регион — считались в Петербурге отдаленной периферией и не привлекали большого внимания. Ситуация, однако, начала меняться, когда Россия столкнулась с необходимостью укрепления своего влияния на Дальнем Востоке, урегулирования отношений с азиатскими странами, прежде всего, империей Цин, вступившей в полосу обострения социальных противоречий и подвергавшейся колониальному натиску Запада. Не желая уступать инициативу в Азии европейским государствам,

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Airapetov Oleg Rudol'fovich, Candidate in History, Associate Professor, Department of International Organizations and Problems of Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

oleg_airapetov@list.ru

ORCID: 0009-0004-6754-3816

Городилова Любовь Анатольевна, аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Gorodilova Lubov' Anatol'evna, Post-Graduate Student, Department for Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

liubov9506@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9602-9921

Россия пыталась использовать факт наличия на ее собственной территории значительных масс буддистов, опираться на них для продвижения своих интересов в регионе. Однако, несмотря на то что существование буддизма на территории империи было узаконено еще в XVIII в., ряд деятелей считали политику сближения с восточной религией ошибочной. Они полагали, что предоставление значительных прав иноверцам и попытки опоры на них вредят интересам государства, мешают утверждению его этнокультурной монолитности. Против подобной позиции выступали представители движения «восточников», самым ярким из которых был востоковед и публицист князь Э.Э. Ухтомский. Влияние, которым располагали «восточники» в правительственных кругах, способствовало усилению начал веротерпимости в политике по отношению к буддистам, активному использованию религиозного фактора во взаимоотношениях с азиатскими странами (Монголией, Тибетом, Сиамом). Наиболее эффективной оказалась политика по отношению к Монголии, которая после Синьхайской революции 1911 г. в Китае смогла получить широкую автономию благодаря поддержке России. Деятельность «восточников» и их оппонентов, продвигавших диаметрально противоположные взгляды на судьбу буддийского сообщества, отражала сложные политические и религиозные процессы, происходившие в России накануне эпохи революций. Эти процессы представляют ныне несомненный научный интерес в условиях меняющихся отношений между Российским государством и религиозными организациями.

***Ключевые слова*:** буддизм, веротерпимость, Забайкалье, «восточничество», Тибет, буряты, Э.Э. Ухтомский, империя Цин.

Abstract. The Russian Empire's relations with Buddhist populations have a complex and lengthy history. Until the mid-nineteenth century, the main regions where Buddhism spread — Eastern Siberia and the Pacific — were viewed from Saint Petersburg as distant peripheries, attracting little attention. However, this began to change when Russia sought to bolster its influence in the Far East and manage its relations with Asian countries, particularly the Qing Empire, which was experiencing internal social strife and facing Western colonial pressure. Unwilling to let European powers take the initiative in Asia, Russia aimed to leverage its significant Buddhist population to advance its interests in the region. Despite Buddhism's legalization within the empire in the 18th century, some figures saw

---

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Polunov Alexander Yur'evich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Administration in the Sphere of Interethnic and Interdenominational Relations, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

polunov@spa.msu.ru

ORCID: 0000-0002-4484-6003

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-13 «Полиморфизм буддизма в социокультурном пространстве России».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-13 "Polymorphism of Buddhism in the Russian socio-cultural space".

Russia's rapprochement with this Eastern religion as misguided. They believed that granting extensive rights to non-Christians and relying on them for political gain undermined the state's ethno-cultural unity. This stance was countered by the "Orientalist" movement, led by notable figures such as Prince E.E. Ukhtomsky, an orientalist and publicist. The influence of the "Orientalists" in government circles strengthened religious tolerance in policies toward Buddhists and encouraged the strategic use of religion in diplomatic relations with Asian nations such as Mongolia, Tibet, and Siam. The most successful policy was toward Mongolia, which gained broad autonomy after the 1911 Xinhai Revolution in China, thanks to Russian support. The debate between the "Orientalists" and their opponents, who held opposing views on the role of the Buddhist community, reflected the intricate political and religious dynamics occurring in Russia on the eve of the revolutions. These dynamics offer valuable insights into the evolving relationship between the Russian state and religious organizations, a subject of ongoing scholarly interest today.

***Keywords*:** Buddhism, religious tolerance, Transbaikalia, "Orientalism", Tibet, Buryats, E.E. Ukhtomsky, Qing Empire.

* * *

Во второй половине XIX и начале XX в. заметную роль в общественно-политической жизни России начал играть буддистский (или «ламайский», как говорили в то время) вопрос — совокупность проблем, связанных с положением российского буддистского сообщества, прежде всего, бурят в Предбайкалье и Забайкалье, и с политикой государства по отношению к нему. В правительственных и общественных кругах шла полемика о роли буддистской общины в жизни страны, ее значении для международной деятельности государства, природе восточной религии, перспективах ее положения в империи. Выдвигались различные проекты изменения статуса буддистского сообщества — от резкого ограничения его прав до максимально широкого применения по отношению к нему начал веротерпимости. Данные дискуссии и принимавшиеся на их основе решения отражали важные аспекты общественно-политического развития Российской империи в последние предреволюционные десятилетия, ее духовной жизни и начинаний на международной арене и заслуживают в связи с этим всемерного внимания историков.

Превращение «ламайского вопроса», долгое время не вызывавшего особого интереса у русской публики, в важный предмет общественных дискуссий было подготовлено глубинными трансформациями социально-политического плана, в том числе изменениями международной обстановки, исподволь вызревавшими на протяжении XIX в. Территории, значительную часть населения которых составляли буддисты, — Восточная Сибирь, Тихоокеанский регион — долгое время рассматривались как отдаленная окраина

Российской империи, но постепенно они начали играть всё большую роль во внешней политике государства. Появление у России североамериканских колоний стало важным стимулом для освоения морских маршрутов. С 1803 по 1848 г. в кругосветное плавание на Дальний Восток было отправлено 38 кораблей, 16 из которых принадлежало Российско-Американской компании, 1 — частному лицу и 21 — военному флоту[1]. Последний активно проводил исследования тихоокеанских берегов России, в частности, Камчатки. В середине XIX в., в условиях неуклонно нараставшего ослабления цинского Китая под натиском западных держав, перед Россией также остро встала задача укрепления своих сухопутных границ на Дальнем Востоке. В 1850 г. русские отряды появились в устье Амура (экспедиция Г.И. Невельского), а в 1852 г. — на южном берегу Сахалина[2]. В том же году капитан-лейтенант И.С. Унковский, командовавший фрегатом «Паллада», провел исследование восточных берегов Кореи[3].

Активизация деятельности России в тихоокеанском регионе выразилась и в усилении дипломатического взаимодействия с дальневосточными державами, в частности, с Японией, с которой в 1855 г. был подписан договор о торговле в г. Симодо. России предоставлялся режим наибольшего благоприятствования в торговле с этим государством. Между двумя странами согласно договору устанавливались «постоянный мир и искренняя дружба», их подданные пользовались покровительством и защитой властей, граница между странами проводилась между островами Итуруп и Уруп, причем первый отходил к Японии, а второй и все остальные Курильские острова — к России. Остров Сахалин объявлялся совместным владением государств, а Япония открывала для русской торговли ряд своих портов[4]. Все эти события объективно способствовали росту значения дальневосточного региона для внешней и внутренней политики России, более глубокому знакомству российского общества и правительственных верхов с проживающими здесь народами, их религиями и культурой. Но, безусловно, важнейшей вехой в развитии этого процесса стала Крымская война 1853–1856 гг.

---

[1] *Жданко М.* Гидрографические работы в Восточном океане с 1898 по 1904 гг. // Морской сборник. 1904. № 9. С. 145.

[2] *Шумахер П.В.* К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1869 год // Русский архив. 1878. Вып. 11. С. 262–263; *Буссе Н.В.* Остров Сахалин и экспедиция 1852 года // Вестник Европы. 1871. № 10. С. 733, 753–755; Русские и японцы на Сахалине. Дневник Н.В. Буссе // Вестник Европы. 1872. № 10. С. 523, 527–528.

[3] *Жданко М.* Указ. соч. С. 143.

[4] *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 276–279; *Остен-Сакен Ф.* Памяти графа Евфимия Васильевича Путятина, почетного члена Императорского Русского географического общества // Известия Императорского Русского географического общества. 1883. Т. 19. Вып. 5. С. 392.

События войны — прежде всего, военные действия Англии и Франции против российских форпостов на Дальнем Востоке — выявили, что позиции России в регионе, несмотря на принимавшиеся меры по их укреплению, все еще очень слабы. Так, в Петропавловске-Камчатском, который в 1851 г. стал главным портом России на Тихом океане, в начале 1840-х гг. проживало всего около 500 чел. — военные, моряки, чиновники, духовенство и два-три купца[5]. Для усиления русских позиций на Дальнем Востоке требовалось не просто основание опорных военных пунктов на дальних рубежах, но и создание здесь для государства прочной демографической базы в лице русского (и в целом восточнославянского) населения. К формированию такой базы власти и приступили с середины XIX в. В 1857 г. по Амуру началось расселение забайкальских казаков, вдоль реки было основано 15 станиц, в 1857 г. здесь проживало всего 1950 чел., не считая 1100 солдат и офицеров 14-го сибирского линейного батальона и приданной ему батареи. Летом этого года на Амуре и Уссури было основано еще 35 селений[6]. Казаки-забайкальцы, переселенцы из числа государственных крестьян из губерний Европейской России, снимавшиеся с насиженных мест по причине малоземелья, и солдаты гарнизонных батальонов — вот три категории населения, которые осваивали Амур и Дальний Восток[7].

Усиление русского присутствия ставило вопрос о более четком размежевании границ между государствами. Переселенцы все чаще входили в соприкосновение с местными народами — прежде всего, с маньчжурами, которых было немало на берегах рек Амура и Уссури. Встречались здесь и собственно китайские деревни, главным образом, поселения ссыльных, которых отправляли на северные рубежи империи Цин[8].

В мае 1858 г. в г. Айгун на правом берегу Амура генералом Н.Н. Муравьевым и китайским уполномоченным князем И-Шанем был подписан русско-китайский договор. Левый берег Амура от реки Аргунь до берега моря переходил к России. Граница между государствами проводилась по Амуру вплоть до р. Уссури. Вопрос об Уссурийском крае оставался открытым, он объявлялся совместным

---

[5] *Бутаков А.И.* Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах // Отечественные записки. 1844. № 7. С. 17–20.

[6] *Бартоломей.* Описание Амурского края // Военный сборник. 1860. №.8. С. 342; *Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура, 1857–1858 гг. // Русская старина. 1879. Т. 24. Вып. 2. С. 282, 296.

[7] *Максимов С.В.* Заселение реки Амура // Морской сборник. 1861. № 10. С. 209, 215.

[8] *Мевес И.* Три года в Сибири // Отечественные записки. 1863. № 5. С. 275; *Максимов С.* На Востоке. В Манчжурии // Морской сборник. 1864. № 1. С. 74–75.

владением Цинской и Российской империй. В июне того же года адмиралом Е.В. Путятиным, Хуа Шаном и Гуй Ляном был подписан Тяньцзинский договор о дружбе и торговле, предоставлявший России права не только сухопутной, но и морской торговли в Китае. Заключенный в августе 1858 г. договор с Японией в Иеддо (совр. Токио), подтвердивший условия Симодского соглашения и увеличивший количество открытых японских портов для русских подданных, облегчал условия торговли между двумя странами[9].

В декабре 1860 г. российский уполномоченный генерал-майор граф Н.П. Игнатьев подписал Пекинский договор, передававший России земли от Уссури до Японского моря и границ Кореи — значительную территорию, центром которой стал город Владивосток[10]. Здесь высадился небольшой десант с военного транспорта «Манджур» — команда из 40 солдат под командой прапорщика. В 1865 г. сюда также на военном транспорте были доставлены первые 175 переселенцев. В 1868 г. в городе было 35 частных и 22 казенных дома, 20 фанз, 516 жителей, из них 36 — китайцы[11]. В дальнейшем население дальневосточного форпоста постепенно росло, причем доля выходцев из сопредельных восточных стран устойчиво оставалась высокой. Примерно треть его населения (на 1914 г. — 65 728 чел.) составляли китайцы (19 тыс. чел.). Проживали здесь также корейцы (5630 чел.) и японцы (2281 чел.)[12]. Присутствие восточных религий и культур, в том числе исповедуемого иностранными выходцами буддизма, было весьма заметно на российском Дальнем Востоке, что в дальнейшем существенно скажется на судьбах данного региона.

Важным фактором усиления демографического присутствия России на Дальнем Востоке стало учреждение на новоприсоединенных землях после заключения Айгунского договора Амурского казачьего войска, формировавшегося в первую очередь из забайкальских казаков. Всего для переселения было выделено 5 тыс. казачьих семейств. Их переселение проводилось постепенно, в течение трех лет. С 1858 по 1882 г. здесь возникло 104 населенных пункта — станицы, из них в Амурской области 63, в Приморской — 41. Из небольших военных постов, таких как Николаевск-на-Амуре, Владивосток, Благовещенск, позже вырастут города. Новоприсоединенный край заселялся также крестьянами из Вятской, Пермской, Тамбовской и

[9] *Юзефович Т.* Указ. соч. С. 251–259, 279–285.

[10] Там же. С. 259–269.

[11] Справочная книга города Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке. Хабаровск, 1902. С. 3–4.

[12] Обзор Приморской области за 1914 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1916. Прилож. 1. С. 9.

Воронежской губерний, которым приходилось по два года добираться до назначенных к расселению мест, отстоявших от начала пути переселенцев на расстояние до 10 тыс. верст. За 10 лет после приобретения Амура на его освоение было потрачено около 30 млн руб.[13]

Процесс освоения новых территорий был длительным и дорогостоящим. Успехи в деле заселения оказались весьма скромными, тем не менее благодаря им была заложена основа прочного освоения Дальнего Востока. Всего до 1862 г. из Забайкалья на Амур и Уссури было переселено 16 043 чел. В конце 1862 г. в 26 станицах на Уссури проживало около 6 тыс. чел. Семьи переселенцев-казаков начали осваивать новую границу протяженностью 1137 верст, из них формировалась конная стража в горных районах и пешая на равнине[14]. Прибывавшие из Европейской России поселенцы, таким образом, вступали во все более тесные взаимоотношения с народами Дальнего Востока, завязывали с ними многообразные связи в сфере экономики, повседневной жизни, а власти активизировали дипломатическое взаимодействие с близлежащими державами. Усилению такого взаимодействия невольно способствовали трагические события в охваченном политическими потрясениями Китае.

Неуклонное ослабление империи Цин, подвергавшейся все более сильному давлению европейских государств, привело к обострению здесь межнациональных и межрелигиозных противоречий, которые всегда были сильны в полиэтнической державе. В целом, национальный и религиозный вопрос обретал все большее значение в жизни центральноазиатского и дальневосточного регионов. Так, в 1862 г. в северо-западной части государства (Синцзян, китайский Туркестан) началось восстание мусульманского населения против властей, в ходе которого религиозное размежевание сразу обрело чрезвычайно важную роль[15]. Немусульмане, в том числе буддисты, подверглись жестоким гонениям. Потери немусульманского населе-

---

[13] *Бартоломей.* Указ. соч. // Военный сборник. 1860. №.9. С. 138; Из воспоминаний Н.П. Поливанова о Восточной Сибири // Русский архив. 1898. Вып. 12. С. 575; *Афанасьев Д.* Амурский край и его назначение // Морской сборник. 1863. № 11.С. 28–29, 41–42.

[14] *Венюков М.* Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 105; *Он же.* Воспоминания о заселении Амура. С. 280.

[15] *Куропаткин А.* Исторический очерк Кашгарии // Военный сборник. 1877. № 11. С. 120–124; *Он же.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 93–97, 113–126; *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1869. С. 254–284; *Boulger D.Ch.* The Life of Yakoob Beg; Athalik Ghazi and Badoulet; Ameer of Kashgar. London, 1878. P. 48–53; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. С. 4–5.

ния оценивались в 1 млн чел.[16] Значительные массы людей, спасаясь от гибели, бежали в Россию и с разрешения властей селились на ее территории, прежде всего, в районе Семиречья[17].

Уже в силу массового движения беженцев в ее пределы Россия не могла оставаться равнодушной к событиям, развернувшимся у ее границ, тем более что они затрагивали исповедовавшее буддизм население, широко представленное в империи. Особую тревогу вызывала ситуация в непосредственно прилегавшем к границам России Илийском крае с центром в городе Кульджа. В мае–июне 1871 г. по приказу Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана в край были введены русские войска[18]. После того как обстановка в Синцзяне в конце 1870-х гг. стабилизировалась, Россия вернула временно занятую территорию Китаю[19]. Цинские власти под давлением Англии пытались использовать илийский кризис как предлог для начала войны против России, однако благодаря искусству российской дипломатии противоречия удалось снять[20]. После восстановления власти Китая над Илийским краем вновь свершился обмен населением, но уже в обратном порядке. Теперь буддисты, бежавшие от резни, возвращались на прежнее место жительства, а мусульмане уходили с русскими войсками[21].

Илийский кризис способствовал более глубокому вовлечению России во внутриполитические процессы на территории Китая, осмыслению роли религиозных начал в развитии данных процессов. Дальний Восток становился все более важным фактором как внешней, так и внутренней политики России. Усиление значения этого фактора в последние десятилетия XIX в. было связано и с новыми явлениями в сфере внешней политики и экономики — прежде всего, с таким важным событием в истории России, как строительство Транссибирской магистрали. Вопрос о строительстве желез-

---

[16] *Куропаткин А.Н.* 70 лет моей жизни: воспоминания А.Н. Куропаткина. Т. 1. Челябинск, 2023. С. 352.

[17] *Остроумов Н.И.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879. С. 20.

[18] Извлечения из донесений Г.Л. Колпаковского о занятии Кульджинского района в 1871 году // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки / Под ред. В.Н. Троцкого. Вып. 3. М., 1872. С. 217–232; *Васильев В.П.* Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. № 5. С. 190.; *Терентьев М.А.* Указ. соч. С. 50–52.

[19] Об условиях возвращения Илийского края Китаю см.: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'annee 1883. Saint-Petersbourg, 1883. P. 17–23; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 54–60.

[20] Дневник Д.А. Милютина 1878–1880. Т. 3. М., 1950. С. 233.

[21] *Терентьев М.А.* Указ. соч. Т. 3. СПб., 1906. С. 261.

нодорожной линии, которая соединила бы Европейскую Россию с Сибирью и Дальним Востоком, способствовала бы полноценному включению данных регионов в систему национальной экономики, а значит — и окончательной интеграции их в общее административное и политическое пространство государства, поднимался еще в середине XIX в. В 1882 г. император Александр III принял решение о необходимости ускоренной разработки проекта строительства железной дороги в Сибирь. В конце 1886 г. было собрано Особое совещание, на котором было принято решение приступить к строительству Сибирской железной дороги от Владивостока до Челябинска протяженностью более 7 тыс. верст. Техническая и финансовая подготовка к началу осуществления этого гигантского проекта затянулась до 1891 г.[22] На строительство железнодорожного пути казна планировала потратить около 400 млн руб., реально же было истрачено свыше 1 млрд руб.[23]

Строительство магистрали должно было резко укрепить позиции России на границе с Китаем, в частности и за счет переселения значительной массы людей из центра империи. С 1860 по 1880 г. в Сибирь переселилось 110 тыс. чел., с 1880 по 1892 г. — 440 тыс. чел., а с 1893 по 1899 гг. — уже 971 тыс. чел.[24] По переписи 1897 г. в Сибири проживало 7 091 224 чел., из них в Амурской области — 138 387 чел., Приморской области — 274 980 чел., на острове Сахалин — 35 248 чел.[25] К 1912 г. население Сибири увеличилось до 11 922 714 чел.[26] Разумеется, это стало возможным в значительной степени благодаря железной дороге.

Благодаря переселению взаимодействие русских и иных переселенцев из центра с этноконфессиональными общинами Дальнего Востока обрело еще более широкий масштаб. Реализация грандиозного проекта по соединению железнодорожным путем центра государства с его дальневосточной окраиной имела, конечно, не только экономические и демографические измерения. Она серьезно повлияла на изменение самоощущения властей, настроения в имперской столице. Вступивший на престол в 1894 г. преемник Александра III

---

[22] *Нилус Е.Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896–1923. Харбин, 1923. С. 5–6.

[23] Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и А.Ф. Здзярского. СПб., 1900. С. 70; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 19.

[24] Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1901. С. 5, 13.

[25] Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге 1903–1904 г. СПб., 1904. С. 56–57.

[26] Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. От С.-Петербурга до Владивостока / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1914. С. VII.

Николай II находился под сильнейшим влиянием идей навализма — представлений о важности морских коммуникаций, о необходимости преобладания на море для обеспечения внешнеполитического могущества государства. Реализовать эти идеи было невозможно без твердого закрепления за Россией выхода в Мировой океан, в связи с чем возрастало значение тихоокеанского и, в частности, дальневосточного региона в ее политике. Соответственно, в конце XIX в. все более актуальным становился вопрос о том, какими путями усилить позиции России в регионе, на каких основаниях должна строиться ее политика по отношению к проживающему здесь автохтонному населению, каким должно быть отношения к религиям и культурам этого населения.

В контексте указанных процессов «ламайский вопрос» закономерно стал во второй половине XIX в. занимать важное место в общественных дискуссиях и планах государственных деятелей России. Подобная ситуация была связана с тем, что учение Будды было распространено в целом ряде стран, с которыми Россия граничила или взаимодействовала на Дальнем Востоке (Китай, Корея, Япония). В Монголии и на Тибете, находившихся в вассальной зависимости от цинского Китая, буддизм в его северной форме (махаяна, школа Гелуг, в обиходе называемая «ламаизмом») являлся доминирующей религией. На территории российской Восточной Сибири буддизм, проникший сюда из Тибета и Монголии, исповедовали буряты (частично в Предбайкалье и главным образом в Забайкалье), а также часть тунгусов (эвенков) Забайкалья. К 1880-м гг. в сибирских владениях России насчитывалось около 160 тыс. буддистов (13 тыс. к западу и 147 тыс. к востоку от Байкала)[27]. Ламаизм располагал достаточно прочными позициями в империи. В середине XVIII в. власти узаконили существование этой религии, а в 1853 г. было принято всеобъемлющее «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», регламентировавшее правительственный контроль над буддистскими религиозными институтами и в то же время определявшее их права и обязанности, материальную базу их существования[28].

Следует отметить, что наличие в отдаленных регионах империи хорошо организованной, значительной по количеству последователей иноверной религии, чьи права были узаконены властями, к концу XIX в. вызывало настороженность у значительной части

[27] *Hundley H.S.* Defending the Periphery: Tsarist Management of Buriat Buddhism // Russian Review. 2010. April. Vol. 69. P. 248–249.

[28] *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — начало XX в.). Улан Удэ, 2013. С. 150–168.

российских элит, прежде всего у представителей высшего православного духовенства. Религия в представлениях этих деятелей была неотделима от национального начала, значение которого все острее чувствовалось на пороге XX в., а «ламайство» самим фактом своего существования мешало распространению среди народов Сибири православия и тем самым — утверждению культурной и национальной целостности, единства России. Последовательным сторонником подобной точки зрения был архиепископ Вениамин (Благонравов), возглавлявший в 1873–1892 гг. Иркутскую епархию. «Православие считается русской верой, — писал он в 1882 г. — Причина тому — в тесной связи, в которую исторически стала у нас Церковь с государством и подобной которой не представляет нам история». «Таким образом, — указывал иерарх, — в отношении к иноверцам православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью… убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими»[29].

Наличие у буддизма в Восточной Сибири прочных корней и значительного количества последователей, влияние буддистского духовенства на паству объяснялось в данном контексте не высокими духовными свойствами восточной религии, а попустительством российских властей по отношению к ней, хитростью лам, сумевших вкрасться к ним в доверие и оказывать духовное, а зачастую и материальное давление на массу соплеменников. Особо грубой ошибкой объявлялось в связи с этим принятие в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», вверявшего контроль над сибирскими народами родоплеменным властям (в Восточной Сибири они были тесно связаны с ламаитским духовенством). Вызывали протест и основные принципы Положения 1853 г. Согласно этому документу, говорилось в составленной в 1898 г. официальной записке ведомства православного исповедания, верховный лама бурят (Пандидо Хамбо-лама) утверждается в своем звании непосредственно царем и от него «получает грамоту за печатью, приобретая чрез это в глазах инородцев бурят такую нравственную силу, против которой ни один миссионер не может представить ничего подобного». Настойчиво звучало требование отмены государственного узаконения буддизма. Подобная мера, доказывал в 1896 г. в письме товарищу обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблеру епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий (Орлов), «поднимет дух не только православных деятелей, но и многих из бурят, изнывающих под тяжелым режимом ламства

[29] *Харлампович К.В.* К биографии Вениамина, архиепископа Иркутского // Христианское чтение. 1906. № 8. С. 303.

и удаляющихся от принятия христианства исключительно по боязни своих фанатиков повелителей — лам»[30].

В зависимость (экономическую и административную) от лам и родоплеменных властей порой попадали не только рядовые «инородцы», но отчасти и русские — крестьяне-переселенцы, которые, как отмечалось выше, во второй половине XIX в. во все большем количестве прибывали в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Переселенцам в ряде случаев приходилось арендовать у буддистов землю, которой те, по мнению православных публицистов, были обеспечены явно чрезмерно. Что же касается лояльности ламаитов по отношению к российскому государству, их подчеркнутой покорности властям, то всё это, с точки зрения противников буддизма, было лишь маскировкой, проявлением хитрости и коварства. Пребывающее в постоянном контакте с духовными центрами на территории зарубежных регионов — Монголии и Тибета —ламское духовенство, по мнению православного публициста Е.Н. Воронца, тяготело к цинскому Китаю и в глубине души не отличалось преданностью России. В качестве серьезной опасности постепенно начала рассматриваться и Япония, где были сильны позиции буддизма. Японское правительство, по мнению ряда российских чиновников и публицистов, вполне могло использовать религиозные каналы для пропагандистской и разведывательной деятельности на территории России[31].

В целом, в 1880–1890-е гг. негативное отношение к буддизму, требования принять меры к ограничению прав данной религии получили достаточно широкое распространение в российских верхах. «Попрание прав христиан, безуспешность их просьб и явные гонения составляют общий удел их при господстве языческой власти, — говорилось во всеподданнейшем отчете обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева за 1883 г. — Жалобами на такие гонения переполнены отчеты преосвященных начальников Иркутской и Забайкальской миссий»[32]. В условиях усиления консервативных начал в политике государства при Александре III, стремления к утверждению национально-религиозной монолитности империи заявления консервативных государственных и общественных деятелей (среди которых обер-прокурор Синода занимал важное место) оказывали

---

[30] *Амоголонова Д.Д.* Буддизм в Бурятии: российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. Т. 26. М., 2015. С. 10, 16.

[31] *Цыремпилов Н.В.* Указ. соч. С. 182, 217, 219.

[32] Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 год. СПб., 1885. С. 176.

заметное влияние на правительственный курс. Были предприняты попытки принципиально изменить систему управления сибирскими народами, в том числе — административного регулирования их религий. Так, в 1883 г. по требованию архиепископа Вениамина и при поддержке К.П. Победоносцева министр государственных имуществ М.Н. Островский предложил генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину ввести христиан в местные органы родового самоуправления. Спустя два года состоявшийся в Иркутске под председательством Вениамина съезд сибирских архиереев подтвердил этот запрос и выдвинул ряд дополнительных требований: ограничить духовно-пропагандистскую деятельность лам, наделить крещеных «инородцев» дополнительными земельными владениями и др. В 1886 г. Вениамин был вызван к присутствию в Синоде, причем в качестве одной из причин этого шага рассматривалась подготовка центральными органами управления империи отмены Положения 1853 г.[33]

Хотя отмена Положения, несмотря на неоднократные попытки, все же не состоялась, в 1889 г., властями была принята мера, довольно существенно изменившую систему управления российским буддизмом. Храмы, монастыри и буддистское духовенство Предбайкалья были выделены из ведения Бандидо Хамбо-ламы, пребывавшего на территории Приамурского генерал-губернаторства, и непосредственно починены светской администрации — генерал-губернатору Иркутскому. Смысл этого шага был очевиден для современников. Так, Приамурский генерал-губернатор заявил, что признает данную меру желательной «как способствующую разъединению сибирских ламаитов». «Сохранение власти в руках одного главного ламы придает силу… ламской пропаганде среди местных язычников и парализует водворение между ними христианства… — говорилось в отношении, направленном Департаментом духовных дел иностранных исповеданий (органом, отвечающим за управление иноверными религиями) в Комитет министров. — От разъединения их (иркутских ламаитов. — *Авт.*) с очагом буддизма в Забайкалье вера их приходила в упадок»[34]. Казалось, принятая мера станет шагом на пути к окончательной ликвидации государственного узаконения буддизма, отмене Положения 1853 г. и, возможно, к серьезным изменениям в системе управления сибирскими народами, которая способствовала

[33] *Харлампович К.В.* Указ. соч. // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 152–154; № 8. С. 302–305; Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 231–236.

[34] Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 59. Отд. 2. Ст. 3. Д. 247. Л. 3 об.

бы утверждению национально-религиозной монолитности империи. Однако подобные меры не были приняты, и на то был ряд причин.

Прежде всего, необходимо отметить, что в российских правительственных кругах всегда было достаточно много людей, выступавших против жесткой национально-религиозной политики на окраинах, полагавших, что такая политика ведет к подрыву социальной стабильности в отдаленных регионах и тем самым затрудняет управление огромной империей. Наличие влиятельных деятелей, разделявших подобные взгляды, на протяжении всей истории многонационального государства уравновешивало давление сторонников национально-религиозной гомогенизации государства. Этот фактор в полной мере проявил себя и в 1880–1890-е гг., однако его «подкрепили» обстоятельства, присущие именно этой эпохе. К концу XIX в., как отмечалось выше, меняется самоощущение властей, их представления о роли России на международной арене. Особенно это было характерно для первого десятилетия царствования Николая II. От прежней, преимущественно оборонительной политики на Дальнем Востоке, власти стремились перейти к активным действиям, вынашивали масштабные планы усиления позиций России в регионе. Все возможные каналы распространения внешнеполитического влияния на Дальнем Востоке — дипломатические, экономические, идеологические, религиозные — начинали привлекать внимание российских государственных и общественных деятелей. В контексте этих процессов усилился и интерес к российским буддистам как к возможным агентам распространения влияния «империи царей» за рубежом.

Решающую роль в формировании подобных настроений сыграли представители группировки, получившей у историков название «восточников», — люди, связанные с Азией в силу обстоятельств личной судьбы и (или) идеологических установок[35]. В 1890-е гг. «восточники» энергично подчеркивали значение Дальнего Востока и в целом азиатских регионов для перспектив развития России. «Монголия, Тибет и Китай составляют будущность России во всех отношениях, — писал в 1893 г. в записке на имя Александра III П.А. Бадмаев, бурят по происхождению, чиновник Министерства иностранных дел и одновременно популярный в Петербурге лекарь тибетской медицины. — Мы имеем возможность… держать

[35] О «восточничестве» см.: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70–101; *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» на примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX в. // Полис. 1999. № 1. С. 26–39; *Суворов В.В.* Восточничество. Культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов, 2015.

в руках Европу и Азию именно с берегов Тихого океана и высот Гималая»[36]. «Создание правильной русско-азиатской политики составляет самую жизненную необходимость для России. Наше положение в Европе зависит от нашего положения в Азии, а не наоборот», — отмечал еще один «восточник», журналист влиятельной газеты «Новое время» С.Н. Сыромятников[37]. Наконец, самый, пожалуй, яркий из «восточников», востоковед, философ, поэт и публицист князь Э.Э. Ухтомский подчеркивал значение для России Забайкалья, которое «является ключом к сердцу Азии, авангардом русской цивилизации на границе "Желтого Востока"»[38]. На взглядах Ухтомского необходимо остановиться подробнее, так как в них нашла наиболее полное выражение на рубеже XIX–XX в. система воззрений, подчеркивавших связь России с Азией и непосредственно сказавшихся на восприятии российским обществом буддизма и политики по отношению к нему.

Всецело разделявший представления о том, что Россия должна максимально расширить сферу своего внешнеполитического влияния и что возможности для этого создает деятельность в Азии, прежде всего на Дальнем Востоке, Ухтомский полагал, что основу для этого обеспечит опора на российских буддистов, являющихся, с его точки зрения, верными подданными «белого царя». Наличие у последователей учения Будды трансграничных религиозных связей воспринималось князем не как угроза, а как возможность реализации масштабных внешнеполитических начинаний. Он подчеркивал важность того обстоятельства, что «у России есть сотни тысяч подданных-буддистов, за ними колышется целое море единоверных кочевников, сибирские инородцы находятся в беспрерывном общении с Тибетом». «Восточносибирские инородцы-ламаиты, — отмечал князь, — год от году приобретают все большее и большее влияние в различных центрах Тибета и eo ipso (в силу одного этого. — *Авт.*) являются важными проводниками Царского имени и обаяния в заповедных и недоступных странах, которые нельзя не считать сердцем Азии»[39].

Политика ограничения связей российских последователей Будды с зарубежными единоверцами, проводившаяся Петербургом с начала XVIII в., была, по мнению Ухтомского, крупнейшей ошиб-

---

[36] За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 56.

[37] *Репников А.В.* С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 101.

[38] Цит. по: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Указ. соч. С. 78.

[39] *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. Конец XIX века. СПб., 1904. С. 73, 115–116.

кой, не позволившей реализовать открывавшиеся в то время перед империей геополитические перспективы. С точки зрения «восточника», Россия в эпоху Петра I имела возможность установить контроль над Тибетом, воспользовавшись разразившимися в то время в священной стране северных буддистов смутами и опираясь на российских ламаитов. «Будь наша внешняя политика дальновиднее на Востоке, — писал князь, — мы, при помощи сотен тысяч подданных-ламаитов, зная, в каком хаотическим состоянии находится глубь Азии, без труда могли склонить на свою сторону кочевников, которые ненавидели китайцев, и, опираясь на них, с авторитетом заявить о себе в Лхасе». Открывалась, по мнению Ухтомского, возможность для России подчинения и всей Поднебесной империи, которая находилась с XVII в. под властью чуждой массе населения маньчжурской династии Цин[40]. Все эти вполне реальные, с точки зрения князя, перспективы не были реализованы из-за излишней робости и бюрократической зашоренности властей. Теперь, в конце XIX в., подобный подход стал совершенно неуместен. Эпоха ставила перед страной новые, глобальные задачи, и взгляды, проповедовавшиеся «восточниками», должны были помочь эти задачи решить.

Разумеется, для того, чтобы иметь возможность опереться на буддистов в реализации своих внешнеполитических замыслов, власти должны были нормализовать свои отношения с данной этноконфессиональной группой, и Ухтомский последовательно выступал за меры в этом духе. Во второй половине 1880-х гг., будучи чиновником Департамента духовных дел иностранных исповеданий, он был направлен в командировку в Забайкалье, и в итоге резко выступил против действий церковных властей по отношению к буддистам, рекомендовал смягчить проводимую ими политику. Князь отвергал претензии, предъявлявшиеся к буддизму консервативно настроенными администраторами. Согласно имевшимся у него сведениям, факты притеснений христиан со стороны лам и родоплеменных властей не подтверждались. Сила ламаизма, по мнению Ухтомского, определялась его духовным влиянием, подвижничеством большей части буддистского духовенства, и введение новых административных ограничений никак не могло изменить данную ситуацию. «Буддизм на окраине заметно шагнул вперед, и представляется мне ныне во всеоружии своего эфемерного по существу, но, несмотря на это, знаменательного значения», — отмечал князь. Разумеется, Ухтомский не отрицал желательности сближения народов Сибири с христианством и русской культурой, но считал, что наилучшим

[40] Там же. С. 57–58.

образом эта цель будет достигнута на добровольных началах, без принуждения. Буряты готовы «самостоятельно осуществлять правительственные цели, ведущие к постепенному, безболезненному обрусению», — отмечал князь[41].

Опираясь на свой растущий служебный вес, связи в верхах, «восточник» настойчиво стремился к осуществлению своих взглядов. Следует отметить, что в последнее десятилетие XIX в. для него в этом отношении открылись широкие возможности. Как известный знаток Востока, Ухтомский был приглашен сопровождать в 1890–1891 гг. наследника престола, будущего Николая II, в путешествии, которое проходило по странам Азии, охватывая в том числе регионы распространения буддизма (Индию, Цейлон, Сиам, Вьетнам, Китай, Японию). Князь сумел привить своему высокопоставленному подопечному интерес и симпатию к восточной религии[42]. В свою очередь, сближение с цесаревичем, который в 1894 г. стал императором, существенно способствовало усилению политического влияния аристократа-публициста. В 1896 г. по распоряжению Николая II Ухтомский был назначен главным редактором одной из крупнейших российских газет «Санкт-Петербургские ведомости», которая под его руководством стала одним из рупоров идей «восточничества», в том числе обоснования необходимости терпимости по отношению к буддистам, активного использования этой этноконфессиональной группы в контексте международной деятельности государства.

Подобная перегруппировка сил в верхах не могла не оказать влияния на вероисповедную политику властей. Конкретные аспекты этого влияния нуждаются в дополнительном изучении. Но, видимо, не было случайностью заметное изменение отношения администрации к буддистам в 1890-е гг. Возможно, следует считать преувеличением утверждение церковного автора о том, что с начала десятилетия «высшая гражданская власть губернии в лице генерал-губернаторов и губернаторов совершенно прекратила свое содействие в деле привлечения бурят к принятию крещения»[43]. Однако очевидно, что действия администрации в данной сфере претерпели определенную корректировку.

Постепенно положение буддистов в России улучшалось, чему в значительной степени способствовало и провозглашение в 1905 г.

---

[41] *Ухтомский Э.Э.* О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синодальная типография, 1892. С. 40, 18.

[42] См.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М., 2004. С. 444–445.

[43] Церковь и русификация бурято-монгол при царизме // Красный архив. 1932. Т. 4 (53) С. 119. Доклад архиепископа Иркутского Серафима (Мещерякова) товарищу обер-прокурора Синода П.С. Даманскому от 6 октября 1913 г.

свободы совести (дарование подданным права свободно выбирать религию, а конфессиональным организациям — проповедовать свое учение). Символическим отражением возросшей роли и укрепившегося положения восточной религии стало возведение в 1909–1913 гг. в Петербурге буддийского храма. Необходимость этого со стороны последователей учения Будды обосновывалась тем, что «вести о строительстве в столице Российской империи буддийского храма-монастыря, проникнув на Восток, могли бы усилить прорусские настроения среди верующей массы монголов и тибетцев». Власти благосклонно отнеслись к подобным аргументам. Что касается массы буддистов, то возведение храма действительно произвело на них большое впечатление и укрепило в их среде веру в то, что их религия пребывает под покровительством «белого царя» (в том числе и потому, что храм был воздвигнут вблизи Елагина острова, где находилась одна из загородных резиденций Николая II)[44].

В целом, если говорить об опоре на буддизм во внешней политике, то это направление деятельности, занимавшее столь большое место в воззрениях Ухтомского и других «восточников», получило достаточно широкое развитие в 1890-е — 1900-е гг., в том числе по отношению к священной земле северных буддистов Тибету. Имело влияние и то, что в последнее десятилетие XIX в. одним из главных советников главы северных буддистов Далай-Ламы стал российский подданный, бурят Агван Доржиев, последовательно выступавший за сближение Тибета с Россией. Воззрения Доржиева как нельзя лучше соответствовали представлениям «восточников» о том, какую роль последователи учения Будды должны сыграть в процессе укрепления внешнеполитического влияния России. Благодаря содействию Ухтомского и Бадмаева советник Далай-Ламы в ходе своих визитов в Петербург был дважды принят Николаем II (в 1898 и 1900 гг.), вел переговоры с высокопоставленными российскими сановниками. В российских правительственных кругах в то время обсуждались планы укрепления связи с Тибетом, оказания ему дипломатической и даже военной помощи против усилившегося в то время натиска со стороны Англии. В район Тибета был направлен ряд экспедиций с научными и военно-разведывательными целями, а в 1901 г. в китайской провинции Сычуань (г. Дацзанлу) учреждено российское консульство для постоянных сношений с горной страной[45].

Наряду с Тибетом, внимание властей на рубеже XIX–XX вв. привлекала еще одна страна, население которой традиционно испове-

[44] *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 168–169.

[45] Там же. С. 78–105.

довало буддизм, — Сиам (Таиланд). Николай II, познакомившийся с Сиамом в ходе своего путешествия по странам Востока, завязал тесные связи с местной правящей династией, а после воцарения оказывал азиатскому государству дипломатическую поддержку в его противостоянии с европейскими державами, прежде всего с Францией[46]. За помощью к России обращалась и буддистская Монголия, являвшаяся, как и Тибет, вассалом цинского Китая и сильно своей зависимостью тяготившаяся. В 1900 г. монгольские князья и верхушка ламского духовенства направили тайное посольство в Петербург, надеясь получить помощь в борьбе против Китая. Следует заметить, что за оказание такой поддержки (в скрытой форме) еще в 1890-е гг. выступал Бадмаев, располагавший обширными связями в верхах монгольского общества[47]. Россия заняла в данном вопросе осторожную позицию. Открыто не выступая против Китая, она отдельными экономическими и дипломатическими мерами содействовала стремлению Монголии к независимости, попутно укрепляя в регионе свое влияние[48].

В целом развитие внешнеполитической ситуации на рубеже XIX–XX в. до известной степени оправдывало представления о важности для России дальневосточного региона и значительной роли религиозного (буддийского) компонента для этой сферы деятельности. Опора на религиозные начала действительно в определенной мере способствовала продвижению внешнеполитических интересов России. Разумеется, не на всех направлениях в развитии связей с буддийским миром империя оказалась одинаково успешной. В силу чисто территориальной отдаленности не удалось оказать действенную помощь Тибету, который с 1907 г. попал в сферу влияния Англии. Сиам постепенно переориентировался на контакты с западными странами и Японией. Взаимодействие же с Монголией привело к достаточно позитивным результатам как для России, так и для этой страны. Когда в Китае в результате Синьхайской революции 1911 г. была свергнута династия Цин и Монголия заявила о своей независимости, именно Россия помогла молодой стране, не допустив вторжения сюда китайских войск. Хотя формально Монголия осталась

---

[46] *Мельниченко Б.Н.* Россия и Сиам (Таиланд) // История России: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 649–668.

[47] Подав записку по этому вопросу Александру III, Бадмаев сумел получить от казны ссуду на основание в Забайкалье торгового дома, который под прикрытием коммерческих операций вел среди монголов и китайцев агитацию за присоединение к России. См.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 86–87.

[48] *Попов А.В.* Россия и Монголия в XVII — начале XX в. // История России: Россия и Восток. С. 626–628.

частью Китая, благодаря поддержке «империи царей» она получила широкие права, которые на практике позволяли ей действовать как самостоятельное государство. По словам А.В. Попова, фактически эта автономия «не предполагала какой-либо действенной юрисдикции китайских властей» над монгольской территорией[49]. Активная поддержка, которую Россия оказала Монголии, в немалой степени определялась достаточно широко распространенными в российском обществе симпатиями к азиатской стране. В консервативно-монархических, религиозно настроенных кругах эти симпатии, возможно, подкреплялись и тем обстоятельством, что главой Монголии после провозглашения ее автономии стал не кто иной, как местный буддийский первоиерарх — Джебдзун Дамба-хутухта VIII.

Подводя итог, необходимо отметить, что выдвижение «ламайского вопроса» на одно из важных мест в российских общественных дискуссиях и правительственной политике конца XIX и начала XX в. явилось результатом воздействия целого ряда внутриполитических и международных процессов. На протяжении всего XIX столетия неуклонно возрастало экономическое значение восточносибирского и дальневосточного регионов, их роль во внешней политике России. В этих условиях все более актуальным становился вопрос о принципах взаимодействия с проживающими здесь народами и исповедуемыми ими религиями. У значительной части русского общества, прежде всего в миссионерских кругах, наличие в Предбайкалье и Забайкалье значительного количества последователей буддизма (ламаизма) — древнейшей из мировых религий, имевшей устойчивую организацию и располагавшую большим количеством последователей — вызывало настороженность, опасения, стремление свести влияние буддизма к минимуму. Однако в российских верхах были представлены и иные идейные течения, доказывавшие необходимость проведения примирительной политики по отношению к этой религии.

Рубеж XIX–XX вв. был отмечен активной деятельностью «восточников» — примечательного общественного движения, представители которого высказывали самую, пожалуй, высокую оценку восточной религии. Идейные установки и деятельность князя Ухтомского и его единомышленников оказали заметное влияние на целый ряд важных аспектов внешней и внутренней политики России, способствовали улучшению общественного положения буддистов. Религиозный компонент начал играть заметную роль во взаимодействии «империи царей» со странами и регионами, население

[49] Там же. С. 630–639.

которых исповедовало буддизм. Падение монархии и утверждение власти большевиков в России прервали развитие процессов, определявших общественно-политическую и религиозную жизнь страны в последние предреволюционные десятилетия, и надолго превратили буддизм, как и другие религии, из партнера государства в объект правительственных репрессий. В настоящее время, когда между государством и религиями восстанавливаются кооперационные отношения, необходимо обращение к историческому опыту реализации данных отношений во всем многообразии их аспектов.

References

Amogolonova D.D. *Buddizm v Buryatii: rossiyskoye gosudarstvo i konfitsional'naya konkurentsiya* [Buddhism in Buryatia: The Russian State and Confessional Competition] // *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. 26. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2015. P. 5–40.

Andreev A.I. *Tibet v politike tsarskoy, sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Tibet in the Policy of Tsarist, Soviet, and Post-Soviet Russia]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 464 p.

Boulger D.Ch. The Life of Yakoob Beg; Athalik Ghazi and Badoulet; Ameer of Kashgar. London: W.H. Allen and Co, 1878. IX, 344 p.

Hundley H.S. Defending the Periphery: Tsarist Management of Buriat Buddhism // Russian Review. 2010. April. Vol. 69. P. 231–250.

Lukoyanov I.V. *"Ne otstat' ot derzhav…" Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv.* ["Not to Fall Behind the Powers…" Russia in the Far East in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 664 p.

Melnichenko B.N. *Rossiya i Siam (Tailand)* [Russia and Siam (Thailand)] // *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok* [History of Russia: Russia and the East] / Compiled by Yu.A. Sandulov. Saint Petersburg: Leksikon, 2002. P. 643–662.

Mezhuev B.V. *Modelirovaniye ponyatiya "natsional'nyy interes" na primere dal'nevostochnoy politiki Rossii kontsa XIX — nachala XX v.* [Modeling the Concept of "National Interest": A Case Study of Russian Far Eastern Policy in the Late 19th and Early 20th Centuries] // Polis. 1999. N 1. P. 26–39.

Nilus E.Kh. *Istoricheskiy obzor Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi* [Historical Review of the Chinese Eastern Railway]. Vol. 1. 1896–1923. Harbin: Tipografiya Kitaysko-vostochnoy zheleznoy dorogi i tovarishchestva "Ozo", 1923. XIX, 690 p.

Popov A.V. *Rossiya i Mongoliya v XVII — nachale XX v.* [Russia and Mongolia from the 17th through the Early 20th Century] // *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok* [History of Russia: Russia and the East] / Compiled by Yu.A. Sandulov. Saint Petersburg: Leksikon, 2002. P. 575–639.

Repnikov A.V. *S.N. Syromyatnikov: shtrikhi k portretu* [S.N. Syromyatnikov: Sketches for a Portrait] // *Intelligentsiya i mir.* 2010. N 3. P. 91–110.

Romanov B.A. *Ocherki diplomaticheskoy istorii russko-yaponskoy voyny* [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. 496 p.

Schimmelpenninck van der Oye D. *Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu. Kak imperskoye mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiyey* [Towards the Rising

Sun: How Imperial Myth-Making Led Russia to War with Japan]. M.: NLO, 2009. 421 p.

Shumakher P.V. *K istorii priobreteniya Amura. Snosheniya s Kitayem s 1848 po 1869 god* [On the History of the Acquisition of the Amur. Relations with China from 1848 to 1869] // *Russkiy arkhiv.* 1878. Issue 11. P. 257–342.

Suvorov V.V. *Vostochnichestvo. Kul'turno-istoricheskaya kontseptsiya i imperskaya ideologiya* [Orientalism. Cultural-Historical Concept and Imperial Ideology]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2015. 107 p.

Terent'ev M.A. *Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii* [History of the Conquest of Central Asia]. Saint Petersburg: Tipolitografiya V.V. Komarova, 1906. Vol. 2. XII, 547 p.; Vol. 3. XI, 496 p.

Tsyrempilov N.V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)* [Buddhism and Empire. The Buryat Buddhist Community in Russia (From the 18th through the Early 20th Century)]. Ulan-Ude: SO RAN, 2013. 338 p.

Wortman R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. Vol. II. Moscow: OGI, 2004. 796 p.

Поступила в редакцию
15 января 2024 г.